

*Исторические
Авантюры*

Леонид Бежин

**СМЕРТЬ
И ВОСКРЕСЕНИЕ
ЦАРЯ
АЛЕКСАНДРА I**

Исторические авантюры

Леонид Бежин

**Смерть и воскресение
царя Александра I**

«Алисторус»

2011

Бежин Л. Е.

Смерть и воскресение царя Александра I / Л. Е. Бежин —
«Алисторус», 2011 — (Исторические авантюры)

В 1825 г. во время путешествия к Черному морю скончался Всероссийский император Александр I Благословенный, победитель Наполеона, участник заговора против родного отца, убиенного Государя Павла I. Через всю страну везли гроб с телом царя. Толпы народа оплакивали своего монарха. Но когда много лет спустя царскую усыпальницу вскрыли, она оказалась пуста. Народная молва считает, что раскаявшийся император оставил престол и простым бродягой ушел искупать свои грехи. А через несколько лет в Сибири появился старец Федор Кузьмич, как две капли воды похожий на умершего царя. Народ почитал его как святого еще при жизни, а Церковь канонизировала после смерти. Но был ли он в прошлом Императором Всероссийским? Об этом старец умолчал. Разгадать эту тайну пытается автор.

© Бежин Л. Е., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Леонид Бежин

Смерть и воскресение царя Александра I

Часть первая

Глава первая

Уход и самозванство

Не умер, а ушел...

За этими словами скрывается не только одна из самых таинственных, влекущих и завораживающих загадок русской истории – загадка смерти императора Александра I, – но и прообраз многих духовных драм, воплощенных как в отечественной классике (достаточно вспомнить «Живой труп»), так и в судьбе ее творцов – от Толстого до Гоголя. Ведь и Толстой перед смертью если и не ушел, то, во всяком случае, предпринял отчаянную попытку уйти, вырваться из тисков привычной жизни, окружающей его обстановки барского дома, но, простудившись в поезде, на сквозняке, слег и уже не поднялся со своего ложа в доме начальника железнодорожной станции Астапово. Поразительная смерть – поразительная настолько, что и не скажешь, чего в ней больше, духовного величия, героического порыва русского Самсона, разрывающего путы, извечного толстовского анархизма, ниспровержения всех и вся или старческой немощи: на сквозняке простудился! Он-то, великан, Самсон, русский гений, не побоявшийся бросить вызов обществу, устоявшимся мнениям, высшему свету, церкви, царскому двору, – на сквозняке (вот и Скрябин, творец Мистерии на конец света, умер от пореза во время бритья)! Страшно волновался, переживал – все-таки уход, разрыв с семьей! – и не заметил, как продуло. Ему бы получше закутаться, застегнуться на все пуговицы, но какое там!.. мысли, мысли: вот и не заметил. А до этого в таком же лихорадочном волнении встал, собрался, стараясь, чтобы не услышала Софья Андреевна (не дай Бог скрипнуть половицей, что-нибудь уронить, разбить!), оставил для нее письмо и в пять часов утра вместе с секретарем Душаном Маковицким покинул Ясную Поляну. На станции каждый взял по два билета в разные направления: Лев Николаевич боялся, что жена будет преследовать, настигнет, разрыдается, устроит сцену и вернет.

Снова зажмет в тиски.

«...Делаю то, что обыкновенно делают старики: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни...» – так он написал в письме, обращенном к жене и переданном ей через дочь Александру Львовну.

Слова эти склоняют к размышлениям. С одной стороны, Толстой имеет в виду уединение и тишь монастыря, поскольку сам в монастырь и направляется (сначала в Козельск, а затем в Шамордино), ведь один крестьянин ему недавно сказал: «Ты, отец, в монастырь определись. Тебе мирские дела надо бросить, а душу спасти...» Но, с другой, ему явно вспомнилась в этот момент его любимая Индия, где старики имеют обыкновение – поскольку это предписано дхармой, главным духовным законом, – удаляться от мирской жизни в лесные убежища отшельников. Среди русских стариков таких найдешь немного: для них это не обыкновение, а личный почин, порыв, дерзновение, а вот в Индии – да, там вся жизнь делится на четыре этапа, и третий из них – лесное отшельничество (четвертый – безымянные скитания с чашей для подаяний). По этому письму чувствуешь, как любовно вынашивал Лев Николаевич мысль об уходе, и так и этак ее поворачивал, опробовал и какие разные образцы перебирал в уме (в том числе и поразивший его уход Александра Добролюбова, поэта, декадента, ставшего безымянным скиталь-

цем, проповедником, канувшим в глубины России). И конечно, был среди этих образцов и уход Александра, обернувшегося сибирским старцем, ведь недаром написал (начал, но не закончил; почему – вопрос особый) Лев Николаевич повесть «Посмертные записки старца Федора Кузмича». И недаром героя «Живого трупа» назвал не как-нибудь, а – Федором, Федей Протасовым.

Смерть помешала Толстому уйти, властно ответив на его «е. б. ж.» («если буду жив» – обычная приписка): «Нет, не будешь...» Вообще в предшествующие годы смерть не раз стучалась костяшками пальцев в двери семейства Толстых: в 1904 году умер брат Сергей Николаевич, затем в 1906 году дочь Маша, любимица, верный друг и помощник; к тому же тяжело заболела Софья Андреевна, которой пришлось делать операцию. И вот наконец в доме начальника станции наступила смерть и самого Льва Николаевича. Но можем ли мы представить, что события развивались иначе? Почему же нет! Можем, ведь и средневековая схоластика позволяла различные, подчас даже самые смелые и рискованные допущения, лишь бы они вдохновляли поиск и работу мысли. Поэтому и нам позволено спросить: а если бы Лев Николаевич не умер в Астапове, его путь из Шамордина на юг не прервался так трагически, а продолжился и он, по примеру Александра, обернулся безымянным старцем где-нибудь в Крыму, на Кавказе, на Дону, на Волге? Молился бы, наставлял, утешал, глядя склонившиеся перед ним головы сухонькой ладошкой... Дух захватывает при мысли о том, какого нравственного величия он мог бы достигнуть, мог бы потрясти и Россию, и Европу, и весь мир своим духовным подвигом.

Об этом писали, и, может быть, убедительнее всех, не философы, не литературоведы, а человек, на которого в академических кругах как-то не принято ссылаться, слишком уж он странную, необычную написал книгу – «Розу мира». А что там, в этой «Розе мира», пойдешь разберись, поэтому не лучше ли ее эдак в сторонку (от греха подальше), на край стола, а то и вовсе на верхнюю полку, на антресоли?.. Но я все-таки придвину ее поближе и не побоюсь раскрыть, поскольку ее автор, поэт, философ, мистик Даниил Андреев, как никто умел видеть духовный смысл, прозревать метафизические глубины и в жизни, и в творчестве русских писателей: «И действительно: если бы он не заблудился среди нагромождений своего рассудка, если бы ушел из дому лет на 20 раньше, сперва в уединение, а потом – с устной проповедью в народ, совершенно буквально странствуя по дорогам России и говоря простым людям простыми словами о России Небесной, о высших мирах Шаданакара (совокупность разноматериальных слоев нашей планеты – Л.Б.), о верховной Правде и универсальной любви, – эта проповедь прогремела бы на весь мир, этот воплощенный образ Пророка засиял бы на рубеже XX века надо всей Европой, надо всем человечеством, и невозможно измерить, какое возвышающее и очищающее влияние оказал бы он на миллионы и миллионы сердец».

Все это так, но не случайно в перечне Даниилом Андреевым возможных тем проповедей Толстого отсутствует Христос: как раз Христа он и не мог бы нести в народ, поскольку переkreпил Его по собственным меркам. И всякий раз, как начинал бы проповедовать, выходил бы у него не Христос, а все тот же Лев Николаевич с его морализмом, нечуткостью к мистическому, запредельному, сверхразумному. Все это он в Христе отбросил, и получился Христос «от мира сего», удивительно совпадающий и с арианским (Арий учил тому, что Сын как человек меньше Отца как Бога), и с ренановским, и с булгаковским («Мастер и Маргарита»). Собственно, Толстой в своем подходе к Евангелиям отразил доникейское понимание Христа и, с другой стороны, просветительское, рационалистическое, позитивистское. В сущности, он был одним из русских протестантов, недаром его «Отец Сергей» заставляет вспомнить неудавшийся монастырский опыт Лютера. Христос же, открывающийся в молитвенном опыте, мистическом взлете и парении души, в уединенных восторгах, видениях и экстазах, остался ему чужд, даже враждебен. Неслучайно Лев Николаевич признавался, что размышления о Христе, Церкви, Евангелиях доставляют ему умственное наслаждение (можно добавить: и сознание своего превосходства над мнениями других).

В этом весь Толстой с его жадной смирения, опрощения (носил простую блузу, не ел мяса, босой ходил за сохой), обостренной совестливостью, тайной интеллектуальной гордыней и нераскрытостью духовных даров. Собственно, вопрос этот в литературе о Толстом впервые ясно и отчетливо поставил Даниил Андреев, поэтому за неимением других источников мы вновь обратимся к нему: «Трагедия Толстого заключается не в том, что он ушел от художественной литературы, а в том, что дары, необходимые для создания из собственной жизни величавого образца, который превышал бы значительность его художественных творений, – дары, необходимые для пророческого служения, – остались в нем нераскрытыми. Духовные очи не разомкнулись, и миров горних он не узрел. Духовный слух не отверзся, и мировой гармонии он не услышал. Глубинная память не пробудилась, и виденного его душою в иных слоях или в других воплощениях он не вспомнил». И далее вывод: «Его проповеди кажутся безблагодатными потому, что рождены они только совестью и опираются только на логику, а духовного знания, нужного для пророчества, в них нет».

Таким образом, и в уходе императора Александра Толстой многого не распознал, не постиг тайну преображения царя в святого. В его изображении Федор Кузмич, собственно, и не святой, не старец, наделенный благодатной силой, а старик со всеми человеческими слабостями и сомнениями. Старик, который не может побороть «антипатии, отвращения» к неприятным людям (особенно к досаждавшему ему своими визитами Никанору Ивановичу и... к Людовику XVIII) и совсем по-толстовски оценивает прожитую жизнь, отношения с женой и проч. Но при этом в уходе Александра Толстой, может быть, уловил то, что легло в основу его собственного учения о непротивлении злу насилем. Ведь Александр во многом ушел из-за того, что не захотел брать на себя ту роль самодержца, которую взял затем Николай (к этой мысли мы еще вернемся), не захотел подавлять ропот и бунт... Во всяком случае, получив очередной донос о деятельности тайных обществ, будущих декабристов, он заключил: «Не мне их карать».

Не воспротивился злу насилем – вполне по-толстовски...

Александровский уход задолго до Толстого по-своему воплотил Гоголь в обращениях последних лет. Он, как и Толстой, не был благодатным проповедником, и его попытки наставить на путь истинный друзей, даже старших по возрасту, убеленных сединами отцов семейств, менторский тон поучающего часто вызывали у них справедливое недоумение, а то и бурное негодование и возмущение. Но ведь при этом Гоголь написал «Выбранные места», проникновенно воспев православие, овеивающее своей теплотой весь строй русской жизни. И не только «Выбранные места», но и «Размышления о Божественной литургии», свидетельствующие о стремлении выразить церковное понимание символики и мистики главного православного таинства. Гоголь не только был, – вернее, страстно желал быть церковным человеком (вечное напоминание об этом – храм в Москве на Поварской, где он молился), но усвоил – пусть несколько лихорадочно, судорожно, надрывно, по-интеллигентски, – многие составляющие православной аскетики: совершил благочестивое паломничество ко Гробу Господню и постился со всей суровостью автодидакта. Он только от Пушкина не мог отречься, как требовал от него духовник Матфий, воплощение Николаевской эпохи, Гоголь же в лице Пушкина сохранял верность Александровской, не подозревая о том, что именно Александр, а не Матфий мог бы стать его вожатым на духовном пути.

Но в 1825 году Гоголь был слишком юн, да и далек от Петербурга, чтобы попытаться распознать то, что скрывалось за официальным известием о смерти императора...

Для Чехова уходом было паломничество на Сахалин, каторжный остров, – через Урал, через Сибирь, по тряским дорогам, в лодке, заливаемой водой. Для Даниила Андреева – десятилетие, проведенное в заточении, сталинском застенке, во Владимирской тюрьме, где и была создана «Роза мира». И, наконец, сам Пушкин... Впрочем, отношение Пушкина к императору Александру и императрице Елизавете Алексеевне, осмысление возможного ухода – тема само-

стоятельная, сложная, требующая особого внимания и отдельного рассмотрения, и мы ее бережем на будущее.

А пока вернемся к тому, с чего начали. Итак, не умер, а ушел: что еще здесь заставляет задуматься? Если бы просто ушел в монастырь, как Карл V, или сложил с себя имперские полномочия, как римлянин Цинциннат, это – при всей значимости, даже величественности, героичности такого поступка – было бы в порядке вещей, укладывалось в некие рамки, соответствовало этикетным нормам эпохи. Но ведь Александр ушел, а не умер; он инсценировал, разыграл собственную смерть, выдал за себя умершего, положенного в гроб вместо него. Это же – нарушение этикета, переименование, выворачивание наизнанку всякого порядка, выламывание из всех рамок, заставляющее искать дополнительные смысловые определения. Уход и что еще? А ну-ка задумаемся, поищем. Пожалуй, лишь самозванство в такой же степени укоренено в подпочве национального сознания и столь же причудливыми всплесками вырывается наружу. Но присвоение чужого имени, разыгрываемое как исторический фарс и осуществляемое как политическая авантюра, казалось бы, лишено того внутреннего измерения, которое и делает уход в безымянность актом возвышенной духовной драмы. И все же, все же... Без самозванства не распознать в русской душе чего-то глубинного, нутряного, изначального, некоей утаенной, подспудно бродящей, бушующей в ней стихии. Это чувствовал еще Пушкин: недаром его так интересуют и самозванцы (Пугачев – Петр III), и добровольно оставившие трон («Анжело», «Родрик»).

Гришка Отрепьев, будущий Лжедмитрий, ярыжкой, голью перекатной бражничал по кабакам, пил беспробудно, шатаясь и держась за стены, ходил меж столов, но иногда, в минуты просветления, с проникновенной задумчивостью повторял, глядя в никуда: «А я, пожалуй, и царем на Руси стану». И – стал, что самое-то поразительное. Хотя и подставным, самозванным, но – стал, и, как пишет о нем Ключевский, старался царское достоинство не уронить, блюсти, быть царем хорошим, скромным и справедливым и много доброго сделал. Вот она, душа самозванца, – нет, не потемки: есть в ней какой-то неверный, зыбкий, мерцающий, отраженный свет, похожий на небо в глубоком колодце! Значит, верил в свою избранность, предназначенность или, скажем так, чуял в себе того, от чьего имени выступал. Чуял таким, каким его создавала народная молва, связывавшая с убиенным царевичем свои заветные чаяния. По своему сострадал убиенному царевичу и, словно кропя живой водой, воскрешал его в себе, давал проявиться, жертвовал себя его воскресению.

Поэтому да, лишено и в то же время нет, не лишено русское самозванство того же внутреннего измерения, что и уход. Вдумаемся: Григорий Отрепьев стал царем самозванным, а Александр I царем самоотреченным, как его называли в народе. И меж самозванством, самоотречением и уходом есть некое промежуточное звено – юродство. Сколько их было, юродивых или похабов на Руси! Истинное, благодатное юродство, – юродство по призванию, юродство, взятое на себя как высший духовный подвиг ближе к уходу; внешнее, театрализованное, самоchinное, безблагодатное – к самозванству. Нечто юродское угадывается и в Толстом, и Гоголе, но – не в Пушкине, хотя в «Борисе Годунове» самый близкий ему персонаж – Юродивый, и отождествляет он себя именно с ним: «Хоть она (трагедия «Борис Годунов». – Л.Б.) и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!».

По этим трем этапам и странствует извечно русская душа. Приглядишься пристальнее и увидишь: русский человек, кто бы он ни был, – полководец (Суворов петухом кричал), вельможа (екатерининские вельможи почти сплошь то ли чудачки, то ли юроды), художник (такой как Иванов), писатель, – уходит, юродствует и самозванствует.

Без этого нам не постигнуть до конца того, что император, обитатель Зимнего дворца с зеркалами и навошенным паркетом, принимавший знаки поклонения, круживший головы светским красавицам, очаровывавший всех на балах, появился в Сибири как старец в простой деревенской рубашке и старой, вылинявшей дохе.

Глава вторая

Имена

Старца этого звали... звали и просто Федором Кузьмичом, особенно в народе, среди арестантов и ссыльных, окружавших его, и он против такого обращения ничего не имел, не возражал: ну, Федор и Федор, даже отраднo ему было затеряться среди множества других Федоров, слиться с ними. И все-таки подлинное его имя – Феодор, Феодор Козьмич, и выбрано оно не случайно, и означало для Александра очень многое. Прежде всего, это было его новое, духовное имя, соответствовавшее тому грандиозному перелому, который совершился в душе. Когда его бабушка Екатерина II нарекала его Александром в честь благоверного князя Александра Невского, метила-то она дальше, в Александра Великого, чью судьбу прочила своему царственному внуку. Судьбу завоевателя, зиждителя мировой державы, какой под его императорской дланью должна стать Россия. Вот она и пишет барону Гриму, своему постоянному корреспонденту: «Этот святой был человек с качествами героическими. Он отличался мужеством, настойчивостью и ловкостью, что возвышало его над современными ему удельными, как и он, князьями. Татары уважали его. Новгородская республика подчинялась ему, ценя его доблести. Он отлично колотил шведов, и слава его была так велика, что его почтили саном великого князя».

И эта судьба сбылась, осуществилась на его жизненном поприще: присоединил к России Финляндию и прочие земли, победил Наполеона и вошел в Париж как спаситель Франции и Европы. Таким образом, свое первое имя он, если можно так выразиться, отработал сполна. Правда, крепостного права так и не отменил и конституцию России не даровал, но это уж пусть другие, более успешные, преуспевающие и удачливые. Для него же наступил черед иных – духовных – деяний и свершений, предначертанных еще двумя именами Александра, его своеобразными ответами. В кругу близких к нему людей Александра столь часто называли ангелом, что это превратилось в имя, которое мы вправе написать с прописной буквы, – Ангел. И этот Ангел возник затем на Александровской колонне, причем неслучайно ему было придано портретное сходство с Александром. Ангел с крестом, на который он указывает как на символ своего крестного пути.

И, наконец, третье имя – Благословенный: этот почетный титул Александр получил после побед над Наполеоном как признание его заслуг перед отечеством и народом. Получил вопреки своей воле и желанию: все свои заслуги он склонен приписывать Богу, но этот титул настолько отвечает его внутренней сущности, что тоже становится для него именем. Таким образом, угадывается предначертание, запечатленное в этих трех именах: Александр, благословенный на то, чтобы стать ангелом на земле, то есть монахом, поскольку монашеское служение в православии приравнивается к ангельскому, оно от века ангельского чина.

Теперь имя Александр как императорское имя должно исчезнуть, и оно действительно исчезает в простонародном имени Федор: сколько этих Федоров на Руси! В каждом городе, в каждой деревне, на каждом постоялом дворе – Федор, Федя, Федька... Но в то же время, исчезнув, оно должно преобразиться, как преображается и сам Александр на новом жизненном этапе. Собственно, и библейский Аврам («Отец высей») стал Авраамом («Отцом множеств») после призвания его Богом. И при монашеском постриге, как известно, давалось новое имя. Поэтому Федор превращается в Феодора: Александр выбирает имя, в котором, словно тайный водяной знак, проступает, просвечивает латинское «Тео» («Фео») – «Бог», и означает оно «Дар Божий».

Но в этом имени угадывается и другой знак, указывающий на принадлежность Феодора Козьмича царскому дому Романовых. Известно, что имена Александра и Феодора носили основатели дома Романовых, дядя и отец Михаила I Феодоровича, а Федоровская икона Божией

Матери была фамильной святыней рода. Поэтому для Александра I было вполне естественно стать Феодором: это имя ему не чуждо и выбор не случаен. Исследователи указывают на дополнительную мотивировку выбора, оправданную в том случае, если духовным наставником, благословившим Александра на старчество, был митрополит Филарет: «... в славном 1812 году архимандрит Филарет, одновременно с утверждением в должности ректора Санкт-Петербургской духовной академии, был назначен настоятелем первоклассного Новгородского Юрьевского монастыря. Того самого, что позже получит в управление архимандрит Фотий. Именно в Софийском соборе Новгорода покоились мощи святого князя Феодора – старшего брата святого Александра Невского; в «Словаре историческом о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых», изданном в 1836 году (год красноуфимского ареста Феодора Козьмича) и тогда же положительно отрецензированном Пушкиным, читаем: «Сей юный князь (по словам летописи), цветущий красотой, готовился вступить в брак, но внезапная смерть прекратила дни его»).

А почему Козьмич? Рискну предположить, что такое отчество старец Феодор выбрал себе потому, что это было монашеское имя князя Дмитрия Пожарского, возглавившего ополчение против поляков, – Козьма. О судьбе князя, перед смертью принявшего монашеский постриг, Александр не мог не думать в феврале 1818 года, открывая памятник Минину и Пожарскому на Красной площади и глядя на его каменное изваяние, припорошенное снежной метелью. Вот старец Феодор и взял его в духовные отцы, тем самым указуя на то, что и сам шел тем же путем: из князей (до принятия императорского сана он был великим князем) – в монахи.

Императрица Елизавета Алексеевна по официальной версии скончалась в мае 1826 года, возвращаясь из Таганрога в столицу. Мнимая смерть застигла ее в маленьком провинциальном городке Белеве, где на самом деле она не умерла, а сложила с себя сан императрицы и удалилась в иночество. Так они решили меж собой, Александр и Елизавета: он уйдет первым, а она – следом (поэтому и не сопровождала тело умершего в Петербург). Когда-то в их честь слагали хвалебные гимны: «Александр и Елизавета, восхищаете вы нас!» При этом и хулили, и порицали, и интриговали против них, и вот они оба шагнули туда, где ни восхищения, ни порицания, ни хулы, – в затвор, десятилетнее молчание.

Через десять лет она вышла из затвора, была арестована, помещена в тюрьму, затем в больницу для душевнобольных и наконец в Сырковский монастырь под Новгородом. В свое время императрица Мария Федоровна за ее кротость и терпение дала ей прозвище Ее Величество Молчание, а свой монастырский подвиг она совершала под именем Веры Молчальницы; на первом допросе у следователя назвала себя также Верой Александровной (после чего и замолчала), что тоже о многом говорит. Ее имя можно истолковать так: Верящая в Александра, в истинность и святость избранного им пути и выбравшая для себя этот же путь.

Итак, император и императрица отныне – Феодор Козьмич и Вера Молчальница, он – в Сибири, она – в глухом новгородском монастыре, оба проходят узкий путь покаяния, внутреннего преображения, домостроительства души. Да, в личном плане – это несомненный подвиг, но как истолковать это в плане историческом и даже историософском? Историк наверняка скажет: «Ну, положим, это лишь гипотеза. Вот если вскроют могилу Александра в Петропавловской крепости и она окажется пустой, тогда возможно, хотя тоже, знаете ли, не факт, не факт...» Поэтому в последних книгах об Александре гипотеза о Феодоре Козьмиче и рассматривается в самом конце, после рассказа о его исторических свершениях. Иногда историк даже может позволить себе написать: «Здесь нет возможности говорить об этой легенде подробно. Существует достаточно исследований, убедительно опровергающих ее. Загадка Александра заключается не в его смерти, а в его жизни». Какой академизм во фразе: «Существует достаточно исследований...» Как жизнеутверждающе это звучит! И хочется добавить: как ходульно! Прочитав такое, невозможно удержаться от возгласа: вот оно тяжкое наследие советской исторической науки!

Нет, мы не собираемся ее чернить и порочить: в ней было много ценного, и прежде всего, непримиримость ко всему буржуазному, гнилоственному, жажда социальной справедливости. Но эта наука, оправдав Грозного и возвысив Наполеона (книги Тарле и Манфреда), не допускала ни малейшего намека на то, что среди ненавистных Романовых могли быть цари, способные на такой нравственный подвиг, как самоотречение, и поднявшиеся до вершин святости. Поэтому какой там Федор Козьмич! Умер, умер император в Таганроге, и не о чем тут больше говорить! Эта наука рассматривала Александра как стратега, дипломата, придворного, охотно смаковала подробности его любовных походов, но не пыталась постигнуть в нем собственно царя, помазанника Божьего. Советская наука оказалась бескрылой и нечуткой прежде всего к тайне имени, неслучайно ею в свое время был выброшен лозунг – история без имен. Мол, имен нет, да и истории как таковой нет – одни общественные закономерности!

Нет, мы хотим, мы жаждем имен и неповторимых судеб. Мы утверждаем вновь и вновь: подобная смена имен императора и императрицы – величайший исторический факт, проливающий новый свет не только на эпоху Александра, но и на русскую историю в целом (при этом мы не отрицаем значения и того факта, что Ульянов стал Лениным, а Джугашвили – Сталиным). Если же рассуждать историософски, то эта смена имен приблизила романовскую Россию (петербургский период) к Святой Руси и Москве как Третьему Риму, высветила в ней эти имена, похожие на тайные водяные знаки, отсветы незримого Китежа...

Первый шаг от Петербургской России к Московскому царству Александр сделал в самом начале войны 1812 года, когда, покинув по настоянию своей свиты (ему был оставлен на ночном столике незапечатанный конверт с письмом) боевые позиции, отправился не в Петербург, а в Москву и придал этому посещению символический характер приобщения к московским державным корням, православным святыням, народному духу. Собственно, это был во многом замысел адмирала Шишкова, горячего патриота, поборника отечественной старины (и – добавим, – одного из авторов письма на ночном столике), угадавшего в самом воздухе эпохи то, что невольно наводило на мысль: Александру явиться подданным своим не как петербургскому императору, а как московскому царю, царю-батюшке, чаемому народом. Но в Александре и самом уже пробуждалось, зрело то, что привело к перелому во всем его умонастроении, осознанию своего единства с народом в грозный час всеобщей беды, своего долга как православного государя. Невольный трепет вызывает сцена: 11 июля вечером Александр из Перхушкова, последней станции перед Москвой, едет в Первопрестольную, и по всей дороге его встречает народ, мужики и бабы с горящими свечами – тысячи мерцающих в белесых июльских сумерках свечей – и слышится пасхальное: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его».

А следующим утром Александр выходит на Красное крыльцо Кремля, приложив руку к сердцу, отдает поклон собравшемуся там народу и под ликующий колокольный звон направляется к Успенскому собору, усыпальнице русских царей. Через несколько дней он принимает в Кремле депутацию московского дворянства и купечества, готовых пожертвовать всем ради победы над врагом, дать деньги на армию, собрать и вооружить ополчение.

– Государь! Государь! – вдруг разнеслось по залам, и вся толпа бросилась к выходу.

Так эта сцена описана в «Войне и мире» Толстого.

Вторым шагом к Святой Руси было то, что выражено в позднейшем рассказе Александра о пережитом им потрясении и духовном обращении во время пожара Москвы: «Пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотой веры, какой я не ощущал до сих пор. И тогда я познал Бога». Последние слова как будто на что-то указывают, они произнесены в некоем контексте, без которого остаются не до конца понятными. В каком же? «... познал Бога» – это явно библейское (а после 1812 года Александр не расстается с Библией), соотнесенное со словами Иова, подводящими итог его многострадальному пути: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя».

Вот и глаза Александра «видят». Его коснулось то «веяние тихого ветра», в котором открывается человеку Бог.

И наконец третьим – окончательным, – шагом стал уход...

Задумаемся над таким парадоксом: декабристы, ненавидевшие Романовых и мечтавшие о возрождении власти Рюриковичей, Кондратий Рылеев, устраивавший у себя в доме на Мойке русские завтраки с квашеной капустой, квасом и солеными огурцами, Петербург к Москве не приблизили, Московского царства не обрели. А приблизил и обрел именно Александр Романов, он же сибирский старец Феодор Козьмич.

И говорить об этом надо не в конце, а в начале.

В начале, господа!

Глава третья

Вензель

Неужели – он?! Неужели этот статный, осанистый, белобородый старик, появляющийся иногда на улицах старого Томска, и есть Александр I?! Да, император Александр, который не умер в Таганроге, а, положив вместо себя в гроб другого (солдата, что ли, умершего в лазарете), ушел неизвестно куда – в скит, в затвор, в схиму, чтобы через двенадцать лет поселиться в Сибири под именем Феодора Козьмича?! Удивительная, право, история! Удивительная, загадочная, непостижимая – прибыть вместе с партией ссыльных из Красноуфимска, где его судили за бродяжничество и приговорили к двадцати ударам плетью (императора-то!), и поселиться сначала в деревне Зерцалы, приписанной к казенному винокуренному заводу; затем у лихого казака Сидорова, построившего для него избышку на заднем дворе; затем неподалеку от села Краснореченского в такой же – чуть больше улья – избышке, выходившей окнами на пасеку крестьянина Латышева; и наконец в четырех верстах от Томска, на заимке купца Хромова, чьи работники сколотили для него келью. И так сколотили, хитрецы, что в погребке, под полом, слышалось певучее журчанье: спустись туда по лесенке и зачерпни ковшиком родниковой водички! Ах, хороша, аж зубы ломит!

Сколотили и тем самым уважили старца, любившего чистоту, благолепие и содержавшего свои вещи в строгом порядке. Да и вещей-то всего было: простая скамейка, дощатый стол, кровать с деревянным бруском вместо подушки, складной аналой и икона Почаевской Божьей Матери, намоленная святыня.

В этой келье старец проводил лето, а зимой (сибирская зима крута) перебирался в Томск, на Монастырскую улицу, где у него – уж почтенный Семен Феофанович позаботился – был отдельный домик, укрытый в саду, за большим, двухэтажным хромовским домом. В нем-то и зимовал таинственный старец, лишь изредка появляясь на улицах Томска, – статный, осанистый, с развевающейся по ветру бородой: неужели Александр Благословенный?! Глянь, Марья, посмотри, Аграфена, обернись, Калистрат, – неужели он?! Победитель Наполеона, изгнавший французов из русской земли и освободивший Европу от супостата, – неужели?! Жил во дворцах, едал на серебре и злате, душился сладкими духами, носил мундир с эполетами, а теперь в простой рубашке, подпоясанной ремешком, и старой, вылинявшей дохе бредет по пыльной обочине! Где еще такое увидишь! Ну, чудеса... право же, только ахнуть!

Так перешептывались, дивились и ахали Марья, Аграфена, Калистрат и прочие томские обыватели, когда встречался им Феодор Козьмич, и слухи летели за ним следом, словно змейки степной поземки: Александр... Александр... Однако слухи слухами, но очень уж смахивало на правду, что под именем старца скрывается августейшая особа. Ведь узнал же его сосланный в Сибирь истопник из царского дворца, который после встречи с Феодором Козьмичом (товарищ его заболел, и он обратился к старцу-целителю за помощью) осенял себя крестным знаменем и клялся-божился, что это государь Александр Павлович! Узнал и бывший солдат, помнивший государя еще по тем временам, когда под барабанный бой, оттягивая носок, маршировал на дворцовом плацу (Александр, как и отец его Павел, любил вахтпарады). Узнала и некая чиновница, по слабости женской сомлевшая, упавшая в обморок при звуках знакомого голоса. А главное, сам Феодор Козьмич, уезжая из деревни Зерцалы, оставил там загадочный вензель, изображающий букву «А» с короною над нею и парящим голубком вместо перечерка! Оставил в тамошней часовне, и многие видели этот вензель, нарисованный карандашом и раскрашенный зеленовато-голубой и желтой красками. Видели, дивились, и как было не заподозрить в нем намек на царское происхождение старца: короны над буквами из простого форсу не рисуют! Поэтому и заговорили по всей Сибири, что на заимке купца Хромова поселился император Александр, – заговорили в крестьянских избах, купеческих домах и дворянских

особняках, в банках и казенных управах, в трактирах и чайных, в рудниках и на золотых приисках. Заговорили, и слухи превратились в молву, а молва со временем стала легендой. Легендой удивительно русской, поскольку ни в какой иной стране не могло случиться, чтобы император, добровольно отказавшись от власти, отказался бы и от собственного имени, богатства, привычных условий жизни и, проведя более десяти лет в затворничестве, пройдя суровый путь иноческого послушания, поста и уединенной молитвы, поднялся бы до вершин святости, обрел от Бога многие духовные дары.

Легенда, удивительно отвечающая исконному складу, внутреннему, сокровенному образу России, но самое-то русское в ней, пожалуй, то, что это не легенда, а быль. Да, да, самая настоящая быль, хотя и вынужденная принять форму легенды, поскольку есть некая закономерность, некая таинственная обусловленность в том, чтобы факты, подобные уходу Александра, существовали в истории возвышенно и прикровенно, а не опускались до плоской и однозначной очевидности. И ты, историк, зря хлопчешь, пытаясь доказать или опровергнуть: эти закономерность и обусловленность не позволяют подвергать такого рода факты уничижительной процедуре доказательств, оскорбляя их избыточными документальными свидетельствами и подтверждениями, не оставляющими простора для фантазии и воображения. Ведь перед нами факты особого – духовного – ряда, их же следует не доказывать, а знать допытным знанием и в них следует верить. Знать как быль и верить как в легенду – к этому мы и будем стремиться, рассказывая историю превращения императора Александра I в старца Феодора Козьмича, а пока еще несколько слов о возникновении легенды.

Зимой 1864 года старец Феодор Козьмич покинул бранный мир – это произошло в том самом доме на Монастырской улице, где он в смирении провел последние годы. Правда, незадолго до смерти он вернулся в свою старую келью к казаку Сидорову, но прожил там всего несколько месяцев, и когда Семен Феофанович Хромов заехал навестить его, он попросился назад в Томск. Попросился уже совершенно больной и ослабевший – его вывели под руки и бережно усадили в повозку. Прощаясь с Сидоровым и его женой, старец сказал: «Ну, спасибо всем и за все». Сказал, махнул рукой – и поехали. Отправились сначала в деревню Коробейниково и переночевали у тамошнего крестьянина Ивана Яковлевича Коробейникова, чью маленькую дочь Феоктисту старец очень любил (может быть, потому, что все собственные дочери Александра умерли), а ранним утром, на зорьке, двинулись в Томск. В шестидесяти пяти верстах от Томска, неподалеку от деревни Турунтаевой, случилось чудо: по обеим сторонам дороги появились светящиеся столбы, сопровождавшие повозку до самого Томска и исчезнувшие лишь на Воскресенской горке. Помимо купца Хромова столбы эти видели правивший лошадьми ямщик и дочь Семена Феофановича Анна Семеновна, которая и воскликнула, обращаясь к старцу: «Батюшка, перед нами идут какие-то столбы!» Феодор Козьмич ничего ей не ответил и лишь тихо прошептал: «О, Пречистый Боже, благодарю...» Благодарил же он за то, что столбы как бы охраняли повозку, проезжавшую по тем местам, где частенько пошаливали, в оврагах слышался лихой посвист, на дорогу падало подрубленное дерево и бородастый мужик с кистенем останавливал лошадей и зычным голосом требовал: «Кошелек или жизнь!»

Охрана оказалась надежной, и до Томска добрались благополучно, но Феодору Козьмичу так и не стало лучше: он слабел и силы его покидали, словно кто-то невидимый стоял над ним, постепенно отнимая у плоти и освобождая душу для иной, вечной, жизни. Освобождая так, как дыханием отогревают стекло, затянутое льдом, чтобы в нем забрезжил голубоватый свет, вот и в облике Феодора Козьмича – бледном лице, почти бескровных губах, прозрачной коже лба, – все заметнее обозначалось нечто голубоватое, нездешнее... «Батюшка, объяви хоть имя своего ангела, чтобы в молитвах наших упоминать его», – взывала к старцу жена Хромова, со слезами наклоняясь над его кроватью, но Феодор Козьмич хранил имя ангела в тайне: «Это Бог знает». «Тогда, батюшка, упомяни хоть имена твоих родителей, чтобы нам можно было молиться за них», – уговаривала другая гостья, часто бывавшая в доме, но Феодор Козьмич строго остере-

гал ее: «И этого тебе нельзя знать. Святая Церковь за них молится». После этих неудавшихся попыток – глупые женщины, чего с них взять! – сам Семен Феофанович пожаловал в келью, сбросил в сених шубу, очистил от снега валенки и упал на колени перед старцем, истово крестя лоб: «Благослови меня, батюшка, спросить тебя об одном важном деле». «Говори, Бог тебя благословит», – ответил Феодор Козьмич, не открывая глаз. «Есть молва, – Семен Феофанович придвинулся вплотную к кровати и понизил голос до шепота, – что ты, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный... Правда ли это?» После этих слов Феодор Козьмич открыл глаза и, слегка приподнявшись на локте, стал креститься и говорить: «Чудны дела Твои, Господи... Нет тайны, которая бы не открылась»; а на следующий день подозвал к себе Хромова и сказал: «Панок, хотя ты знаешь, кто я, но, когда умру, не величь меня и схорони просто».

Так наступило 20 января – тот самый день, на котором заканчивались земные сроки старца. Заканчивались, словно кто-то невидимый держал в руке маятник: вправо... влево... вправо... И вот в 8 часов 45 минут вечера Феодор Козьмич повернулся на спину, вздохнул три раза и без мучений и стонов затих навсегда. Земные сроки закончились – маятник остановился.

Итак, в восемь сорок пять: Хромов посмотрел на ходики и, может быть, сверил время со своими карманными часами. Дело-то важное – точность нужна!

Тело умершего обмыли (при этом, по свидетельству Хромова, он сидел на стуле как живой), одели в длинную белую рубаху – такова была воля покойного – и положили на стол. Три священника читали псалтырь над покойным, а утром 23 января тело старца переложили в гроб из крепких кедровых досок, пронесли по улице и похоронили в ограде Богородице-Алексеевского мужского монастыря. На большом деревянном кресте была надпись: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Феодора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 года» («Великого Благословенного» потом замазали, но слова эти проступали сквозь краску). Благословенного – как Александра. Вспомним сказанное: «Ты меня не величь». Но не сдержался Семен Феофанович и в посмертной надписи все-таки возвеличил старца: знайте, разумейте, кто лежит под этим крестом!

После Феодора Козьмича остались вещи: деревянный посох, суконный черный кафтан, перламутровый крест, икона Почаевской Божией Матери с едва заметным вензелем «А» и – что самое примечательное, – метрическое свидетельство о бракосочетании великого князя Александра Павловича с принцессой Баден-Дурлахской Луизой-Марией-Августой, впоследствии императрицей Елизаветой Алексеевной. Право же, такому документу самое место в дворцовых архивах, за семью печатями, а он хранился у сибирского ссыльного, осужденного за бродяжничество. Уникальный, особой важности документ – у бродяги! Странное дело... Купец Хромов выразился об этом так: «Старца называют бродягой, а вот у него имеется бумага о бракосочетании Александра Павловича». И слова эти слышала томская жительница Балахина, – и слышала, и видела в руках у Хромова метрическое свидетельство, запомнила даже, как выглядело, какой вид имела сия бумага: синеватого цвета лист с черной печатью внизу, некоторые строки отпечатаны типографским способом, а некоторые вписаны от руки.

Об этом свидетельстве Хромов рассказывал и настоятелю Алексеевского монастыря архимандриту Ионе, – рассказывал накануне отъезда в Петербург, куда и отправился со свидетельством и прочими бумагами, раскрывающими тайну старца. Что это была за поездка, легко себе представить: Хромов, степенный, богобоязненный, лояльный к власти сибирский купец, – и вот в его доме живет и на его руках умирает император, скрывающий свое имя. Император-то скрывает, но Хромов, проницательный человек, догадывается! А тут еще обнаруживается свидетельство и кое-какие бумаги, о которых Хромов рассказал, по секрету шепнул одному, другому, но сам-то он чувствует: дело государственное! Затрагивающее святая святых власти – августейшую особу! Значит, надо ехать в столицу, в Петербург. Показать им бумаги, а там разберутся.

Вот Семен Феофанович и снарядился в дорогу. Снарядился, приехал и стал разыскивать влиятельных лиц – тех, кому можно было доверить столь важные сведения. Искал ли он выгоды для себя? Вряд ли; в государственных делах о себе лучше не думать, а то легко и головы лишиться. Для Хромова было важно, чтобы узнали наверху и сообщили еще выше, поэтому он и обратился к влиятельным, близким ко двору лицам. Побывал у обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева – тот даже прослезился, когда Хромов поведал ему о подвижнической жизни старца. Прослезился, выдвинул ящик письменного стола со врезом зеленого сукна посередине, властно протянул руку и слегка пошевелил сухими пальцами, как бы внушая Хромову: а ну-ка, братец, давай сюда документы. Вероятнее всего, в этом столе и осталось метрическое свидетельство о бракосочетании Александра, Хромова же вскоре пригласили к графу И. И. Воронцову-Дашкову, бывшему министру императорского двора. В просторном светлом зале вокруг большого стола сидели восемь грозных генералов в мундирах, при всех регалиях. Вот как об этом рассказывает сам Хромов:

– Правда ли, что этот старец Александр Первый? – спросили они меня.

– Вам, как людям ученым, это лучше знать! – отвечал я.

Потом между ними завязался спор.

Одни говорили, что этого быть не могло, потому что история подробно говорит о болезни, смерти и погребении императора Александра I. Другие же возражали и говорили, что все могло быть. Спор был продолжительный. Дошло до того, что один из генералов сказал мне, указывая в сторону Петропавловской крепости:

– Если вы, Хромов, станете распространять молву о старце и называть его Александром I, то вы наживете себе много неприятностей.

Тогда со своего места встал И. И. Воронцов-Дашков и сказал мне:

– Не бойтесь, Хромов, вы находитесь под моей защитой.

Струхнул малость Семен Феофанович, когда пригрозили ему Петропавловской крепостью, чего уж там скрывать, струхнул, но виду не показал и перед грозными генералами держался с достоинством, все примечая и все запоминая. «Много было говорено здесь, но, по видимому, не пришли ни к какому соглашению, – пишет он и далее приводит следующий загадочный случай. – Среди генералов был и тот, который приезжал ко мне с приглашением к Дашкову. Впоследствии я узнал, что это – Рудановский. Через некоторое время я получаю от этого Рудановского телеграмму:

«Приготовьте мне квартиру».

Я очистил в своем доме квартиру.

Вскоре Рудановский действительно приехал в Томск и жил у меня. Он постоянно бывал на панихидах в келии старца, всегда усердно молился. Зачем приезжал Рудановский – осталось для меня тайной».

Глава четвертая Два портрета

Помимо Рудановского могилу посещали и другие высокопоставленные особы, знатные лица и даже члены императорской семьи: цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II), великий князь Алексей Александрович, начальник Главного тюремного управления М. Н. Галкин-Врасский, военный министр А. Н. Куропаткин, министр путей сообщения князь М. И. Хилков. И всякий раз эти посещения выглядели странно, несли отпечаток некоей таинственности, – во всяком случае, для томских жителей, изрядно озадаченных ими и тщетно пытавшихся уразуметь, почему старцу оказывается такое внимание. Понятно, святой человек, но мало ли святых на Руси – и поближе к столице! А тут глухая Сибирь, резной бревенчатый Томск, где высоких домов-то – раз-два и обчелся, и вдруг такое паломничество! Неспроста, что и говорить, неспроста! Не иначе как здесь какая-то тайна!

А если есть тайна, – значит, должны быть желающие ее разгадать, и вот наряду с неумолкающей народной молвой стали появляться брошюры о Феодоре Козьмиче, а затем и ученые книги, доказывающие, что под его именем скрывался император Александр Павлович. Правда, эта версия тотчас же опровергалась в других не менее ученых книгах, среди которых особой известностью пользовалась работа великого князя Николая Михайловича, придворного историографа, но и у противников версии не находилось достаточных аргументов, чтобы взять верх, победить в этом споре. Одним словом, окончательно вопрос так и не был выяснен, и можно без преувеличения сказать, что он до сих пор относится к числу неразрешенных исторических загадок.

Намерены ли мы ее разгадать? Вот тут, пожалуй, надо объясниться: и да, и нет. Мы не собираемся представить читателю новые неопровержимые факты, доказательства тождественности двух фигур, да и старые-то будем приводить лишь в той мере, в какой это отвечает избранному нами жанру, – жанру свободного эссе (без сносок и примечаний), основанного на особом методе исторического познания. Суть этого метода – в созерцании исторических мест и предметных реалий, тех, в которых таинственно живет, мерцает, фосфоресцирует волшебный отсвет прошлого. Собственно, автор этих строк, фигура отчасти условная, и автор и персонаж, от чьего имени ведется повествование, и есть такой романтический и сентиментальный созерцатель, а вовсе не дотошный историк, замуравивший себя в архивах. И, что еще важно добавить, созерцатель не столько познающий, сколько знающий. Знающий изначально...

Представим, что нам случайно довелось услышать такой диалог:

« – Неужели вы допускаете, что это мог быть император Александр Первый?»

– Допускаю; больше того, я даже уверен в этом.

– Легенда это, не более, нужно признать, весьма замечательная легенда, но все-таки не факт.

– Скажите в таком случае, кто бы мог быть другой.

– Не знаю. Но убежден, что это был один из тех таинственных людей, которых в Сибири всегда немало. Скорее всего, один из «искавших истины» образованных людей того времени, пожелавших скинуть с себя все старое, чтобы «обновиться» телом и духом.

– Но кто, как его фамилия?

– Не знаю, откуда же мне знать. Я не настолько знаком с историей дворянских родов, чтобы определенно сказать, кто из членов какого-нибудь рода решился на такой подвиг.

– Вряд ли кто и скажет, да вряд ли и был такой человек и мог быть, кроме того, чьи нравственные силы и дух превышали всех остальных. Впрочем, оставим этот разговор до другого времени, я получу из Томска кое-какие справки и тогда уже фактически разобью ваш скептицизм».

Представим, хотя особых усилий воображения тут не требуется, поскольку диалог этот состоялся на самом деле и его участники – реально существовавшие люди: П.П. Баснин, автор заметки в журнале «Исторический вестник», и А. А. Черкасов, написавший известные в свое время «Записки охотника Восточной Сибири». Как следует из приведенного диалога, Александр Александрович Черкасов действительно знал, что старец Феодор и Александр Благословенный – одно и то же лицо. Знал изначально, основываясь на некоем безотчетном внутреннем чувстве, поэтому он и говорит: «...нравственные силы и дух превышали всех остальных». Это самое замечательное место в его рассуждениях. Замечательное и важное для нас, поскольку оно свидетельствует о знании куда более глубоком и, я бы сказал, духовном, чем осведомленность в конкретных исторических реалиях. Пора наконец привыкнуть, что знание доступно не только уму, но и сердцу и существуют особые – неразгаданные, – каналы для передачи знаний. Неразгаданные и рационально непостижимые каналы духовной связи между множеством окружающих нас миров, «видимых и невидимых», поэтому дело вовсе не в справках, которые Александр Александрович надеется получить из Томска: получит или не получит – это ничего не изменит. Дело в том, что он «допускает и даже уверен»: старец Феодор – это Александр Благословенный; и подобная уверенность сближает его с теми, кто обладал таким же непоколебимым знанием.

Прежде всего, с купцом Хромовым, чья жизнь перевернулась из-за того, что на его заимке поселился Александр Благословенный, и сам он, трезвый, степенный, превратился в одержимого одной мыслью, одной идеей. «Вам, как людям ученым, лучше знать». Лукавит Семен Феофанович – он, не слишком ученый и «не шибко грамотный», как раз и знает то, в чем сомневаются грозные генералы. Точно так же знает это и добрейший Николай Карлович Шильдер, автор четырехтомной истории царствования Александра I. Знает, несмотря на то, что в своей истории открыто не говорит об этом, а лишь загадочно попыхивает трубочкой, предоставляя читателю самому поразмыслить и сделать окончательный вывод: «Если бы фантастические догадки и нерадивые предания могли быть основаны на положительных данных и перенесены на реальную почву, то установленная этим путем действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические вымыслы; во всяком случае, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы с потрясающим эпилогом, основным мотивом которой служило бы искупление. В этом новом образе, созданном народным творчеством, император Александр Павлович, этот «сфинкс, не разгаданный до гроба», без сомнения, представился бы самым трагическим лицом русской истории, и его тернистый жизненный путь увенчался бы небывалым загробным апофеозом, осененным лучами святости».

Что это, предположение или утверждение? Расположим и то, и другое на двух противоположных чашах весов. На чаше утверждения окажется весь этот плотно, сильно, с пафосом написанный отрывок («неподражаемая драма», «потрясающий эпилог»), а на чаше предположения – лишь одно словечко «если бы», которое к тому же так легко убрать, сдуть, словно пушинку. Что же в итоге перевешивает, читатель? О чем здесь, обращаясь к нам через столетие, на самом деле говорит Николай Карлович Шильдер?

Знает истину и историк-энтузиаст К.Н. Михайлов, заставший в живых Н. К. Шильдера, беседовавший с ним и смело поставивший тире в заглавии своей книги «Император Александр I – старец Федор Кузьмич». И, наконец, знает человек совсем иного склада (мы на него уже ссылались) – поэт, философ, мистик и духовидец Даниил Андреев, к свидетельству которого мы сейчас и обратимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.